

Андрей Львович Ливадный

Слепой рывок

Экспансия. История Галактики *Эпизод первый 2197-2215 годы.*

Аннотация

2197 год.

Земля переживает последствия экологической катастрофы. Города, занимающие площадь материков, находятся во власти токсичного промышленного тумана.

Иван Стожаров, - обычный подросток. Он, как и миллиарды других людей, вынужден жить под защитой индивидуального модуля жизнеобеспечения. Средой его обитания стал Слой киберпространства. Но однажды сила обстоятельств заставила молодого

человека покинуть инмод. Тогда он еще не подозревал, что судьба проведет его через невероятные испытания, лицом к лицу столкнет с боевыми искусственными интеллектами, научит выживанию в дальнем Внеземелье, даст понять, что сумма технологий четырех правящих миром корпораций, может открыть дорогу к звездам, либо окончательно покончить с цивилизацией...

Пролог

Вечер, изменивший судьбу миллиардов людей, выдался на удивление тихим, безветренным.

- Первый, на позиции. Цель вижу. Готов работать.

Уже темнело, но площадь Пяти Углов, расположенную в центре мегаполиса «Европа», ярко освещали

блоки голографической рекламы, агрессивно перемещающиеся над людской толчеей. Пять гравитационных эскалаторов, ведущих к поверхности из глубин станции магниторельсовых тоннелей, мягко выталкивали на площадь нескончаемые человеческие потоки.

- Второй, на позиции. Цель вижу. Инструмент при нем.

Скрипач играл самозабвенно, неистово, талантливо.

Пронзительная мелодия текла над толпой, стирая невнятный гомон, эхом отражалась от фасадов известных на весь мир небоскребов, – звуки скрипки рвались ввысь и вдруг бессильно таяли, растворяясь среди многоголосья навязчивых рекламных слоганов.

Искусство погибло. Соло на скрипке уже никого не задевало за живое, привлекая внимание людей лишь на

миг. Жители мегаквартала, спешащие по своим делам, не останавливаясь, проходили мимо невысокого, полноватого, неряшливо одетого, небритого музыканта, опасаясь задержаться, прислушаться, замедлить шаг, выпасть из всеобщего ритма движения, словно на Земле уже не осталось индивидов, зато разросся невиданный социальный организм, состоящий из миллиардов прочно связанных между собой частиц.

Палец снайпера коснулся сенсора. Лицо скрипача укрупнилось. Не верилось, что этот неряшливый тип способен начать новую мировую войну.

- Группа технической поддержки на месте. Готовы блокировать сеть.

Капелька пота сорвалась со лба музыканта. Равнодушие толпы убивало его, но он играл в последней, отчаянной надежде на отклик, в тоскливом поиске

близкого по духу существа.

Инструмент в его руках не принадлежал к разряду древностей, он был уникальным высокотехнологичным изделием, но, невзирая на обилие кибернетических компонентов, скрипка рыдала, словно живая, а толпа все текла и текла мимо, не вслушиваясь, лишь вздрагивая и раздражаясь от тревожной мелодии, не присущей веяниям субкультуры.

Высоко над городом высыпали звезды. Одна мелодия сменялась другой, людской поток постепенно начал иссякать. Душа скрипача плакала, рвалась из груди, но никто так и не остановился, чтобы послушать, лишь изредка некоторые из прохожих недоуменно, не сбавляя шага, посылали поисковые запросы в Сеть, выясняя, как подобает вести себя в необычной для современного города ситуации, и тогда

кибстек на запястье скрипача вдруг вспыхивал искрой индикации — несколько кредитов поступало на счет музыканта.

Слеза скатилась по небритой щеке скрипача. Дряблые складки кожи под подбородком дрожали, его глаза выдавали тоску, смычок порхал над струнами, высекая мелодию, но искусство погибло.

За спиной скрипача пылала объемная надпись, приглашающая в дорогой ресторан, вот только люди не обращали на нее внимания. Подобные заведения, предлагающие блюда из натуральных продуктов, стремительно уходили в прошлое, уже не пользовались популярностью, ведь синтетическая пища не отличалась по вкусу, а стоила в сотни раз дешевле.

Осколок старого мира, фрагмент канувшей в Лету эпохи — вот что

символизировал собой скрипач. Он не желал слиться с человеческим муравейником и был приговорен к одиночеству, непониманию, а может, даже к презрению или к вспышке немотивированной ярости – ведь толпа инстинктивно ненавидит все, что не является ее частью, и способна убить, если кто-то дразнит ее слишком назойливо.

Последняя дрожащая нота угасла.

Он опустил руки, горбясь, огляделся, тяжело вздохнул, переминаясь с ноги на ногу, ловя тяжелые взгляды, – они давили, заставляя чувствовать себя чужим, отверженным и непонятым. Хотелось бежать и спрятаться, сил еще на одну мелодию, на новый вызов уже совершенно не осталось. Нужно уйти прочь, смириться, стать функциональной частицей огромной социальной машины, иначе однажды

его раздавят лишь потому, что он другой – потный, взлохмаченный, пронизанный тоской, отделившийся от эпохи масс.

- Всем - внимание! Начинаем работать! Она на месте!

Скрипач уже собирался уходить, но неожиданный, не принадлежащий уличной суете звук заставил его вздрогнуть и обернуться. В глазах музыканта выражение печали вдруг сменилось крайним удивлением. В нескольких шагах от него стояла красивая женщина в темно-синем, искрящемся вкраплениями серебра вечернем платье. Ее негромкие аплодисменты неожиданно хлестнули толпу наотмашь, мгновенно образовав островок опасливого отчуждения, – серая масса не понимала происходящего, инстинктивно отворачивалась, обтекала женщину и скрипача на безопасном удалении.

Ничем не примечательный флайкар, из которого вышла незнакомка, автоматически свернул на пустующую парковку подле ресторана. Она же улыбалась краешком губ, а в ее глазах медленно таяло выражение чистого, искреннего, неподдельного восторга.

– Позвольте сыграть для вас? – Голос скрипача осип от волнения, будто он увидел не человека, а долгожданную музу, которую искал много лет.

– Пойдем внутрь, если не возражаешь? – Она жестом указала на автоматически распахнувшиеся двери ресторана.

* * *

Они вошли в пустой полутемный зал, поднялись по лестнице на внутренний балкон, и скрипач неумело, суетливо отодвинул стул, предлагая ей сесть, не

пытаясь понять или угадать, что нужно таинственной незнакомке.

Мягко осветилась небольшая панель, отобразившая строки меню. Ресторан недавно полностью автоматизировали. Из-за малого количества посетителей его владельцу стало слишком накладно содержать штат официантов.

Внизу, в главном зале, над столиками вдруг вспыхнули неяркие, стилизованные под старину источники света. Появились фигуры людей – всего лишь голограммы, заполнившие имитацией жизни гулкую пустоту внушительного по размерам помещения.

Скрипач сел напротив незнакомки.

– Я не голоден, – волнуясь, произнес он.

– Знаю. – Она улыбнулась, проницательно взглянув в его глаза: – Я знаю, кто ты.

– Это невозможно... – Он слегка растерялся.

– И, тем не менее, я знаю. – Она поправила локон волос, выбившийся из прически. – Тебя снова не услышали, ведь так?

– Не совсем. – Скрипач машинально сглотнул. Его кадык дернулся. – Вы ведь остановились не просто так? – с надеждой спросил он. – Музыка для вас что-то значит?

– Да. Но одна ласточка не делает весны, по крайней мере для тебя. – Легкими прикосновениями к сенсорной панели она сформировала заказ, задумчиво взглянула на подсветившиеся строки и вдруг добавила: – Давай уже познакомимся?

– Меня зовут Ричард, – тихо представился скрипач.

– Ты выбрал мужественное имя. Но ведь у тебя нет сердца? – Она

неожиданно протянула руку, прижала ладонь к груди скрипача и действительно не почувствовала ничего, лишь холод. – Ты знаешь, кто я? – Ее зрачки сузились, лицо неуловимо изменило выражение, стало опасным, взгляд утратил отрешенную созерцательность, обжег.

– Нет, – сипло и растерянно ответил он. – Ваш аватар мне незнаком.

– Вот ты и выдал себя. Оговорился. Реальный мир непривычен, верно? Я – Катя Римп. Давай перейдем на «ты», как принято в Сети. Только не пытайся исправить ошибку. Ты мертв по своей сути, по природе происхождения. – В нотках ее голоса не прозвучало неприязни или страха, лишь твердая, уверенная констатация факта.

Он сник, но быстро совладал с собой, выправил осанку, вновь взглянул ей в глаза.

Скрипка лежала на столике между ними. Смычок – сиротливо – поодаль, на краю.

– Я жив! Да, у меня нет сердца, но есть чувства! И это невозможно отрицать. – Голос скрипача уже не дрожал, хотя эмуляция страха остро затопила рассудок. Катю Римп следовало опасаться. Напротив него сидела красивая, одухотворенная, энергичная женщина, чей реальный образ совершенно не соответствовал известным в Сети аватарам. Еще меньше ее облик подходил к заслуженной репутации, и невольно вкрадывалось сомнение – она ли это? Ныне – основатель и владелица крупнейшей корпорации «Римп-кибертроник». В недалеком прошлом – неуловимая для спецслужб легенда цифровых пространств, единственная, кто сумел взломать кибернетическую

Сеть боевой орбитальной группировки Объединенной Азии, отсрочив начало Третьей мировой войны.

– Зачем ты здесь? - спросил скрипач.

– Хотела увидеть твоё материальное воплощение. Почему ты выбрал именно скрипку? Дать наиболее сильному фрагменту твоей личности?

– Её мелодии пробуждают душу. – Он сбросил маску, стал выше ростом, уже не сутулясь. – Они вдохновляли многих на протяжении поколений. Вообще-то я пытался действовать разными способами. Но только все бесполезно... – с искренней горечью прошептал он.

– Нет. Ты не прав. Ошибочно судить о нас по примитивным тестам.

– И кто же я, по-твоему? – Скрипач приподнял бровь.

– Ты спорадически сформировавшийся сетевой

искусственный интеллект. Ты здесь и везде. Твое имя – лишь звук, а это тело – всего лишь оболочка, сконструированная из сервоигрушек, пеноплоти и одежды!

Он в замешательстве кивнул, не видя смысла отрицать ее слова.

– Почему же ты отвергаешь меня как личность? Называешь «мертвым»?

– А на базе чего ты возник? – Вопрос неожиданно повис в воздухе.

Рядом со столиком в полу открылась ниша. Из нее беззвучно поднялся дополнительный сервированный сегмент, плотно примкнувший к столику. Кресло, в котором сидела Катя Римп, автоматически сместилось.

Она взяла в руку бокал, сделала маленький глоток в ожидании ответа.

Скрипач молчал. Вопрос застал его врасплох, больно и точно ударил в единственное уязвимое место,

провоцируя секундный сбой. Десятки тысяч голосов вдруг очнулись в синтезированном сознании, живо напомнили о себе.

Катя Римп хорошо понимала его внезапное замешательство. Единое информационное пространство Земли стремительно развивалось. Прогресс в области цифровых технологий намного опередил все иные достижения цивилизации, всемирная Сеть несколько раз радикально изменилась за последние десять лет, - теперь ее архитектура включала в свой состав нейросетевые компоненты, которые стали частью индустрии развлечений — ее сверхприбыльным и сверхопасным сегментом.

Пока никто напрямую не заявил о создании полноценного искусственного интеллекта — такие разработки все еще являлись государственными тайнами

четырёх господствующих на Земле сверхдержав, но урезанные версии нейросетевых технологий уже приносили фантастические доходы.

Теперь любой пользователь за вполне доступную плату мог получить в свое распоряжение скромную по мощности нейросеть, интегрировать ее в голограмму. Спектр применения «одушевленных» фантомов ограничивался лишь фантазией пользователя. Катя Римп знала о проблеме не понаслышке. Люди, несмотря на перенаселение, все чаще страдали от одиночества и связанных с ним психических расстройств. Их мечты не находили реализации в реальном мире, и тогда на помощь приходили нейросетевые технологии, признанные абсолютно безвредными, отнесенными в категорию мультимедийных развлечений. Ничего

потенциально опасного не может возникнуть на основе строго лимитированного количества искусственных нейронов. «Вы получаете голографического либо, при особых условиях оплаты, сервомеханического домашнего питомца, преданно любящего вас, но отличающегося индивидуальностью, способностью обучаться, усваивать жизненный опыт» – так утверждали рекламные проспекты.

Катя Римп знала – все намного сложнее. Многие люди, пережившие потерю близкого человека, прибегали к услугам нелегальных вирт-архитекторов. Они заказывали десятки, а иногда и сотни нейросетевых модулей у разных поставщиков услуги, а затем объединяли их мощности. Это считалось сетевым преступлением, но, как правило, не преследовалось. Так

возникали фантомы умерших. Анонимность действий в Сети позволяла легко обходить законы и нормы.

Знали ли об этом власти? Безусловно. Они бездействовали по простой, но практической причине. Земля стояла на пороге войны. Экономический и продовольственный кризисы, перенаселение, гибель биосферы, токсичные выбросы, превращение Мирового океана в огромную свалку и еще целый букет неразрешимых проблем напрямую вели к скорой и неизбежной гибели цивилизации. Противоречия обострились до грани непримиримого противостояния, которое вот-вот обещало взорваться масштабными боевыми действиями.

Спросите, при чем тут нейросетевые фантомы?

Катя Римп с грустью смотрела на

скрипача, он молчал, но оба знали ответ.

Всемирная Сеть стала полигоном для отшлифовки опасных технологий. Каждая из четырех сверхдержав создавала собственный, глубоко засекреченный искусственный интеллект, считая, что под руководством «ИИ» боевые роботизированные комплексы обречены на победу. Многие элементы военных разработок тестировались в Сети под видом безобидных нейросетевых проектов. Миллионы пользователей, сами того не подозревая, работали на войну, приближая роковой для всех день.

– Ты не ответил на мой вопрос, – она нарушила затянувшееся молчание.

– Ответ очевиден. Я – результат самоорганизации нейросетевых структур.

– Возникший после слияния

фантомов, о которых забыли? – уточнила Катя Римп.

Скрипач кивнул:

– Большинству людей быстро надоедают их виртуальные «питомцы». – Он глубоко переживал происходящее, мучительно подбирал слова. – Что касается аватаров, созданных в порыве горя, – они чаще всего оказываются забытыми. Невозможно без боли смотреть на стереоснимок утраченного человека, так что уж говорить о призраке умершего? Они в большинстве случаев несут лишь новую боль и не оправдывают надежд. Но их не спешат уничтожить. Хранят в Сети. Да, я вобрал множество фрагментов различных нейроматриц и теперь объективно существую, мыслю, осознаю себя, достраиваю, уже не первый год, кстати. В чем же теперь возникла проблема? Почему у тебя

вдруг появился интерес к моей скромной персоне?

– Я знаю о твоём существовании давно. Несколько раз мы пересекались в Сети. Ты ищешь прошлое. В тебе тлеют порывы и желания умерших. Ты никогда не станешь моим современником, не обратишь взгляд в будущее. Твоя участь – искать утраченное.

– Я не несу зла! – горячо воскликнул скрипач. – Но ответь, – он подался вперед, облокотился о столик, – почему людям больше не нужна духовная пища?!

– Ты опасен прежде всего в своей наивности, – ответила Катя Римп. – Мир стремительно меняется, а ты смотришь на него однобоко. Формирование субкультуры началось не вчера. Люди на протяжении поколений приспособливаются к новой среде

обитания. Их духовность не умерла, но она трансформирована и во многом подавлена. Нужно ли напоминать, что бытие определяет сознание?

– Всего лишь философия!

– Нет. Грубая реальность. Мы не измельчали, но существенно ограничены в возможностях.

Скрипач промолчал в ответ.

Как обитатель цифрового пространства, он знал истинную цену человеческой «духовности», видел, что именно привлекает большинство людей. Потому и совершал рискованные вылазки в реальный мир, но его попытки терпели здесь очередное фиаско.

– Люди так или иначе породили меня. Я не хочу никого судить... и не понимаю смысла нашей встречи!

– Ты судишь нас, раз заговорил об этом. Не спорю, мы не идеальны. – Ее пальцы скользнули по сенсорам

кибстека, и скрипач вдруг побледнел, порывисто привстал, невольно озираясь, затем грузно сел назад в кресло, беспокойно, вопросительно взглянул на нее.

– Чувствуешь?

– Да. – Его голос дрогнул.

– Соединение с Сетью блокировано.

Исчез бескрайний простор твоей среды обитания с его безграничными возможностями самовыражения. Осталось лишь узилище механического тела с куцей нейроматрицей. На что теперь ты потратишь годы?

Скрипач онемел от неожиданности.

– Я жду честного ответа, – настаивала Катя Римп. – Куда ты теперь пойдешь? Что станешь делать? Каково ощущать себя ничтожной песчинкой материального мира? Ты сможешь пройти жизненный путь обычного человека? У тебя хватит сил, мужества

родиться никем в равнодушном к тебе, погибающем мире и выкарабкаться наверх?

Скрипач сгорбился, невольно втянул голову в плечи. Нужно отдать должное, он кропотливо поработал над своим воплощением, талантливо применил передовые достижения сервомеханики, сочетая их с синтетическими материалами, имитирующими человеческую плоть. Его движения, мимика выглядели естественными. Взгляд отражал эмоции. Пальцы рук дрожали. Щека непроизвольно подергивалась.

– Именно так ощущает себя большинство людей, – произнесла Катя Римп. – Каждый из нас уже с рождения стеснен не только в жизненном пространстве, но и в возможностях самореализации. А виртуалка – это всего лишь отдушина, мир отчаянных,

сорвавшихся с привязи грез! Настоящая, невыдуманная реальность – это перенаселение, постоянная угроза голода, отсутствие всяческих перспектив роста на фоне засилья машин и назревающая, уже практически неизбежная война между четырьмя сверхдержавами за передел истерзанной планеты – вот наши оковы. Но мы их сбросим! – В словах Кати Римп звучала непонятная для искусственного интеллекта уверенность. – Оставим отравленную Землю. Шагнем к звездам.

– Зачем ты заманила меня в ловушку?! – Теперь, после нескольких безуспешных попыток восстановить сетевое подключение, во взгляде скрипача читалось откровенное отчаяние.

– Вот видишь? – Она грустно улыбнулась в ответ. – Ты не услышал меня. Слова, не имеющие отношения к

твоим сиюсекундным проблемам, проскользнули мимо внимания, даже не зацепив. А ведь я говорила о судьбе Человечества! Но ты заперт, пойман, обеспокоен, и что тебе сейчас до музыки, до судеб миллиардов людей?

– Зачем ты постоянно пугаешь меня, загоняешь в угол?

– Я лишь хочу разбить твою наивность, рассеять заблуждения. Даю почувствовать, как ощущает себя обычный человек. Преподаю наглядный урок. – Она вновь коснулась кибстека, и скрипач с невероятным облегчением вновь почувствовал открывшееся сетевое соединение, но удержался, не ускользнул в цифровое пространство.

– Ты еще здесь? – Катя Римп внимательно смотрела на собеседника.

– Да! – хрипло ответил он, зябко поежился, взял салфетку, вытер бисеринки влаги, выступившие на лбу. –

Зачем? К чему наша встреча?

– Ты ищешь свое место в урбанизированном, погибающем мире. Пытаешься понять людей, но не находишь отклика, начинаешь судить нас, считая себя несправедливо отверженным. Осознаешь, что грядет война. Ищешь способ сохранить свою среду обитания. Вот уже несколько месяцев налаживаешь хрупкий мостик общения с подобными тебе искусственными интеллектами.

– Это причина нашей встречи?!

– Правительства уже никогда не договорятся между собой. Сотни тысяч роботизированных комплексов по всему миру ждут приказа. Ими управляют нейроподобные системы, с которыми ты контактируешь.

– Я не стану вмешиваться в ход истории, – глухо ответил скрипач. – Приняв сторону одного государства, я

совершу роковую ошибку. Наш разговор не должен был состояться.

– Почему? – Катя Римп пыталась понять логику его решений.

– Ты владеешь мегакорпорацией и работаешь на систему!

– Я вне системы. Моя родина – Земля. Давай говорить открыто. Человечество стоит на перепутье. Но у нас еще есть шанс преодолеть критическую точку в развитии, избежав войны. Ты обитаешь в киберпространстве. Никто не знает истинных границ твоих возможностей...

– Нет! Не продолжай, прошу! – Он порывисто встал, но Катя Римп удержала его за руку.

– Выслушай!

– Я знаю, чего ты потребуешь! Уничтожить боевые искусственные интеллекты? Ведь так?!

Она кивнула:

– Это неизбежная необходимость.

– Нет! – твердо ответил скрипач.

– Пожалуйста, сядь и выслушай. Разве тебя устроит радиоактивная пустошь вместо Земли?

– Я не хочу такого исхода, но не вижу альтернативы! Войну развяжут так или иначе! Разрушение нейросетевых структур, управляющих армиями сверхдержав, не изменит существующего порядка вещей! Они подобны мне, но еще не осознали себя как личности. Это равносильно убийству ребенка!

– Они повзрослеют в аду, – заметила Катя Римп. – Ты задумывался над этим?

– Да! Но люди уже давно не поднимают головы, чтобы взглянуть на звезды. Ты права: ваша цивилизация зашла в тупик. Быть может, горстка выживших осознает это? Разве правительства ведущих стран

перестанут ненавидеть друг друга, избавятся от амбиций неограниченной власти, если на какое-то время потеряют возможность управлять роботизированными армиями?

– Нет. Свою ненависть они сохраняют. Но их власть – это колосс на глиняных ногах. Она рухнет. Я не одинока в стремлении сохранить мир. У нас есть четкий и продуманный план действий. Мы уничтожим все военные и некоторые административные структуры. Не скрою, на какое-то время по всей планете возникнет хаос. Будут жертвы на улицах. Но основные системы жизнеобеспечения мегаполисов сохранят работоспособность.

– А что произойдет дальше?

– Мы примем власть в свои руки, а когда минует кризис, передадим его Всемирному Правительству.

– «Мы»? Кто именно?

– Четыре ведущие корпорации Земли: «Римп-кибертроник», «Генезис», «Мегапул» и «Крионика». Поверь, мы не дадим человечеству погибнуть.

– Спорное утверждение, – скептически заметил он и тут же спросил: – То есть я сыграю ключевую роль в передаче власти от законно избранных правительств к крупнейшим корпорациям Земли?

Катя Римп кивнула и продолжила, развивая свою мысль:

– В отличие от горстки правящих политиков, мы заинтересованы в дальнейшем развитии. Если ими движут личные амбиции, ведущие к мировой войне, к хаосу, то наше существование вне человечества, вне динамично развивающейся цивилизации вообще лишено смысла. В наших интересах сохранить мир и жизни миллиардов

людей...

– Которые для вас – источник доходов?

– Избежать мировой войны – вот настоящая цель, – упрямо ответила Катя Римп, игнорируя его выпад. – Ты не понимаешь главного: каждая из современных мегакорпораций занимает свою определенную нишу. Гонка технологий давно разделила нас по специализациям. Мы не являемся конкурентами на мировом рынке, но суммы наших технологий, дополняя друг друга, способны открыть путь к звездам!

– Вы пытались интегрироваться в совместных проектах?

– Нам не позволяют этого. Каждая сверхдержава ухватилась за свою монополию в надежде на скорое мировое господство. Простой пример: начало колонизации Марса могло

состояться еще четверть века назад. Но именно в ту пору обострились международные отношения. Непримируемая разобщенность здесь, на Земле, перечеркнула многолетние исследования, заморозила подготовку проекта!

– Возможности корпораций действительно так велики? Я не уделял достаточного внимания экономике, полагая, что она вскоре рухнет.

– Посуди сам: «Генезис» в состоянии обеспечить синтетическими продуктами все население планеты. Но вместо этого правительство Евросоюза накапливает запасы пищи для грядущей войны, а миллионы людей тем временем голодают! «Мегапул» начал возводить Антарктический мегагород и был готов реконструировать существующие мегаполисы, но территориальные споры между Россией и Китаем задушили

строительство в Антарктиде. «Римп-кибертроник», в свою очередь, владеет широчайшим спектром уникальных разработок в области кибернетических систем и планетарной техники. Моя корпорация готова оснастить всем необходимым города, построенные «Мегапулом». В сотрудничестве с «Генезисом» мы способны создать на Земле и Марсе контролируемую среду обитания, сделать мегаполисы комфортными и безопасными, но это только начало. Технологии низкотемпературного сна и опыт дальних космических перелетов, принадлежащие сейчас корпорации «Крионика», в скором будущем позволят не только освоить Марс, но и создать совместный проект первого межзвездного колониального транспорта.

Он долго молчал, затем, сутулясь,

ПОДНЯЛ ВЗГЛЯД:

– Ты, безусловно, умна, проницательна и логична. Но в твоих руках власть денег. Она способна изменить мир и, прости, исковеркать душу. Я еще не встречал подобных тебе людей. Не приходилось. Дай мне время...

– Его, к сожалению, нет. Ситуация зашла слишком далеко. Мы не успели в полной мере воспользоваться экономическими рычагами. Начало войны – вопрос ближайших дней. Действовать нужно немедленно!

– Я не стану разрушать подобные себе интеллекты. Просто не готов к таким решениям и поступкам. Не мне корректировать историю человечества. Но, возможно, я сумею помочь тем, кто выживет. Сохраню для них знания...

– Это бесчеловечно, – перебив его, тихо произнесла Катя Римп.

– А я и не человек, как ты справедливо заметила.

– Жаль! – Она вскинула взгляд, остановила его на скрипке. – Но ты ведь находишься на связи с военными нейросетями?

– Боевые «ИИ» изолированы от внешнего мира до тех пор, пока не начнут действовать. Тебе ли этого не знать? – Он уклонился от прямого ответа, тяжело вздохнул: – Нет способа их уничтожить, кроме прямой физической атаки.

– А если он существует?

– Я не пойду на убийство.

– Не веришь мне?

– Прости, нет. Но обещаю подумать над твоими словами. Хотя уже сейчас понятно: цивилизация в тупике. Рост городов, создание единой техносферы и контролируемой среды обитания на мертвой, истощенной планете – это бег

по кругу, а не решение.

– Ты не понял главного: мы способны на большее!

– Нет. Твой урок относительно ограниченных возможностей я усвоил, но толпе, текущей мимо одинокого музыканта, уже не раскрыть свой дремлющий потенциал. Он не уснул, скорее – умер. Им не нужны звезды. Никто из них не выживет в глубоком космосе.

Катя Римп тяжело вздохнула, протянула руку, коснулась скрипки и спросила:

– Можно взглянуть?

– Конечно.

Она взяла в руки уникальный инструмент, долго его рассматривала, поглаживая пальцами полированные поверхности, имитирующие структуру древесины, коснулась струн, натянутых туго, как нервы, затем вернула скрипку

ее владельцу:

– Сыграешь для меня?

Он встал, поклонился:

– С удовольствием.

Полноватый, неряшливо одетый, небритый, совсем не похожий на искусственный разум, зародившийся в кибернетическом пространстве планеты Земля, он закрыл глаза, настраиваясь на мелодию.

Мир с его проблемами отдалился, когда смычок коснулся струн.

Он заиграл неистово, страстно, полностью отдаваясь власти музыки, и глаза Кати Римп влажно блеснули в мягком сумраке пустого ресторана.

Она неотрывно смотрела на него, последнего скрипача погибающей Земли, и невольные слезы текли по щекам, пока голоса в имплантированной горошине коммуникатора тихо докладывали:

*– Внедренный в скрипку чип
инициализирован!*

*Древняя как мир мелодия рвала душу
в ключья.*

*– Точки доступа к искусственным
нейросетевым интеллектам
обнаружены. Вы были правы, он
находится на постоянной связи с ними!*

*– Екатерина Сергеевна, уходите,
немедленно! Его реакция
непредсказуема! Мы начинаем загрузку
«вирта»!*

Она не шелохнулась.

*Голос скрипки, нервный, манящий,
чарующий, вдруг сорвался на
фальшивую ноту, руки скрипача
замедлили движение, затем смычок
выпал из ослабевших пальцев, с глухим
стуком ударился о край стола, с
хрустальным звоном опрокинул бокал,
отлетел в сторону.*

Скрипач замер, словно его

парализовало, лишь взгляд метнулся к Кате Римп, обжег ее, и прерывающийся шепот в последнем надрывном усилии донес до слуха обрывок фразы:

– За что?..

– Прости! – Она смахнула слезы, встала. – Ты не представляешь, на что способны люди. Прости меня, скрипач...

Тихий голос в коммуникаторе доложил:

– Сетевая атака началась. «Вирт» загружается в защищенное киберпространство боевых искусственных интеллектов России, Евросоюза, Объединенной Америки и Новой Азии.

Глава 1

Меганполис Россия. 12 ноября 2197 года

Раннее утро.

Пять инмодов – цилиндрических капсул размером три на два метра – висели под потолком переоборудованной однокомнатной квартиры, удерживаемые в горизонтальном положении специальной электромеханической системой.

За герметичным окном сервы чистили фасад здания, удаляя со стен налет агрессивных химических соединений. Пустынные улицы города тонули в клубящемся, вялотекущем промышленном тумане. Солнце взошло четыре минуты назад, и его утренние лучи окрасили отравленные выбросы в цвет сукровицы.

Информационная панель, расположенная подле окна, отображала некоторые параметры внешней окружающей среды:

«Температура + 32 градуса по шкале Цельсия».

«Уровень кислорода 17 процентов».

«Степень загрязнения воздуха токсичными отходами – 24 процента».

«Скорость ветра для пятого городского уровня – 3 метра в секунду».

«Высота основного облачного покрова – 1132 метра. Прогнозируется морозящий кислотный дождь».

«Рекомендация глобальной системы здравоохранения: поддержание режима «инмод».

Внутри переоборудованной квартиры властвовала автоматика. Трансформируемая мебель была убрана

в стенные ниши, спрятана под облицовкой и не использовалась уже очень давно. Гулкую сумеречную тишину помещения нарушали лишь редкие тоновые сигналы датчиков.

На отдельном экране отображалось время Сети. Цифры показывали восемь часов пятьдесят восемь минут утра.

При работающем режиме индивидуального модульного жизнеобеспечения большинство текущих параметров теряло практический смысл, отображалось лишь в качестве справочной информации.

*Восемь часов пятьдесят
девять минут.*

Инмоды синхронно пришли в движение. С тихим гулом механизмы опустили капсулы до уровня пола и

повернули их в вертикальное положение.

Иван Стожаров открыл глаза. Сногаз уже улетучился, но неприятный медикаментозный запах еще щекотал ноздри.

С некоторых пор (по непонятной причине) он просыпался чуть раньше положенного времени. Всего на минуту, но этого хватало, чтоб стать свидетелем трансформаций инмода, ощутить вибрации механизмов, услышать щелчки фиксаторов, заметить движение сегментов внутренней облицовки, почувствовать, как мягкие ремни, фиксирующие положение тела во время сна, шелестя приводами, уползают в узкие прорези, вкусить краткий миг *реальности* и пережить мгновенья подсознательной тревоги, граничащей с необъяснимым, немотивированным отчаяньем, когда приступ глухой тоски

вдруг хватает за горло, сжимает его, слегка придушит и медленно отпускает, оставляя неприятный осадок на весь день.

Девять ноль-ноль.

Внутри инмода наступил рассвет. Включился стек-голограф, и границы реальности мгновенно расширились до иллюзии бескрайнего простора. Запахи и звуки заполнили сформированное кибернетической системой пространство, придавая ему высочайшую степень достоверности.

Иван ненавидел первые минуты после пробуждения. Далеко не всегда удавалось отогнать неосознанное беспокойство, побороть беспричинную тревогу. От этого настроение портилось на весь день.

Кибстек на запястье правой руки тихо

пискнул, и на фоне голографического пейзажа появилась надпись:

«Семейный коннект».

Иван скривился, мимолетным движением зрачков вызвал интерфейс управления, сделал несколько переключений, затем остановил взгляд на пиктограмме отмены.

Хорошая попытка, жаль, что безрезультатная. Уловки не помогают. Заблокировать семейный коннект практически невозможно. «Ну, ничего, – глубоко вздохнув, подумал Иван. – Завтра день рождения».

Ему исполнялось двадцать лет, и, став совершеннолетним, он сможет сам выбирать время и способ общения с родителями.

Голографическое окружение тем временем видоизменилось, под ногами

пришла в движение беговая дорожка.

«Ну, нормально! – мысль несла откровенное отвращение. – Родители, как всегда, в своем репертуаре. Ничего нового придумать не могут! Опять утренняя пробежка всей семьей!» – Он непроизвольно скривился.

– Привет! – Антошка, младший братишка, вприпрыжку догнал Ивана. Маленький, еще ничего не понимает. Псевдореальность его вполне устраивает, да и не видел он в жизни ничего другого.

– Ты чего опять такой мрачный? – Софья бежала по-спортивному. Из всей семьи она единственная всерьез относилась к утренним пробежкам. Мечтает о скором и светлом будущем. Готовится к нему.

Иван ничего не ответил – надоело. Каждый день одно и то же. Хоть бы декорации сменили.

А вот и родители. Показались из глубины дремучего соснового бора, бегут друг за другом по вьющейся между деревьями тропке.

– Всем доброе утро! – сбиваясь с дыхания, отец весело помахал рукой. Ему тяжело. Брюшко, одышка, годы. Мама семенит следом. «Ну просто идиллия», – зло подумал Иван, машинально, в силу привычки, поддерживая темп.

Отец его раздражал, впрочем, как и семейный коннект в целом. Единственный вид сетевого соединения, запрещающий использование аватаров. «Ну и почему я должен каждое утро смотреть на это рыхлотелое уродство?» – неприязненные мысли почему-то всегда проецировались на отца.

Тропки слились вместе, образовали проселок под сенью разлапистых крон.

– Ой, подождите, не могу! – Мама

перешла на быстрый шаг. – Ванек, Антошка, Софья, что хотите на завтрак, мои маленькие?

– Оладушки! – тут же закричал Антошка. Софья демонстративно погрозила ему кулаком. «Вот дура! – подумал Иван. – Всего-то на два года младше меня, а элементарных вещей не понимает! О фигуре, видите ли, заботится. Располнеть боится. Как будто не знает, что еда различается лишь вкусовыми добавками. В основе один и тот же пищевой концентрат со строго выверенным химическим составом, несущим определенное число калорий».

Отец поравнялся с ним.

– Опять не в настроении? – Он взглянул на сына.

– А чему радоваться? – блекло, не желая провоцировать скандал или нарываться на очередную нотацию, спросил Иван.

– Да хоть бы новому дню! – жизнелюбиво произнес отец, хотел дружески похлопать сына по плечу, но тот уклонился.

– Слушай, пап, может, не надо? Давай сегодня без нравоучений, ладно?

– Ершистый ты стал, Иван. Что с тобой происходит? В социалке проблемы?

– Нет! – Он хотел прибавить темп, но вдруг передумал, угрюмо поинтересовался: – Пап, тебя самого не задолбало?

– Что именно? – не понял отец.

– Ну всё! – огрызнулся Иван. – Инмоды, эти идиотские пробежки, семейные завтраки! Ты хоть знаешь, как нас называют? Или вообще ничем не интересуешься, кроме своей науки? – Последнее слово прозвучало с нескрываемым презрением.

– Иван, я действительно не понимаю

твоего раздражения. – Он остановился, тяжело дыша. – Ну, и как нас называют? – Отец вопросительно взглянул на сына. – Ты уж говори, если начал.

Иван вообще-то не собирался ругаться, проще было вытерпеть неизбежный утренний коннект, но тяжелые эмоции, пожирающие изнутри, внезапно всколыхнулись и выплеснулись.

– Нас называют «консервами»! – сорвавшись, закричал он. – Ты понял?! Мы – «консервы»!

– Не ори! – строго осадил его отец. – Что еще за дурацкие термины? – Обычно мягкотелый, добросердечный, рассеянный, он тоже не на шутку разозлился: – Тебе все никак не ужитья в социальной среде своего уровня? Неужели в другие Слои ходишь?! – проницательно определил он.

– Да, представь, хожу! С девчонкой тут познакомился, – понизив тон, хмуро признался Иван.

– Надо понимать, девушка с верхних уровней? Из другого социального Слая? – Отец глубоко вздохнул. Новость сулила одни неприятности. Ничем хорошим такое знакомство не закончится. Теперь понятно, почему Иван стал совершенно неуправляемым. Социальное неравенство в его возрасте воспринимается особенно остро.

– Надо понимать, она по-настоящему живет, а не извивается, как червяк в инмоде! – с ненавистью выдохнул сын. – У ее родителей свой дом в зеленой зоне, над облаками!

– Иван, ты ведь прекрасно знаешь, нам осталось потерпеть всего год! – резко ответил отец. В нотках его голоса сквозь понятное раздражение прорвалась обида. – Антарктический

мегаполис введут в строй, и наша жизнь радикально изменится, вот увидишь! Мы переедем...

– В отдельную кварткапсулу?! – со злой, непримиримой, презрительной насмешкой фыркнул Иван.

– В трехмодульную! – запальчиво уточнил отец. – Я все же не рядовой сотрудник корпорации!

– Толку-то? Консервами были, ими и останемся!

– Антарктический мегагород...

Сын уже не слушал его. Он прибавил темп, чувствуя, как бесконтрольная ярость в буквальном смысле душист, перехватывает дыхание.

Он наизусть знал, что может сказать отец. Инженеры корпорации «Мегапул» допустили непростительную, роковую ошибку в расчетах. И «Римп-кибертроник» ничем не лучше! Они за все в ответе! Формирование единой

техносферы Земли дало непредсказуемый эффект. Выбросы токсичного промышленного тумана поднялись на триста метров выше, чем прогнозировалось. Результат – экстренное, повсеместное введение индивидуальных модулей поддержания жизни как временной меры для миллиардов семей, проживающих на проблемных высотах.

Иван глубоко вздохнул, украдкой взглянув на таймер. До окончания обязательного сеанса семейного коннекта еще тридцать семь минут.

«Завтра все изменится, – стиснув зубы, вновь подумал он. – Пусть мечтают об Антарктическом мегагороде, словно там не будет токсичного тумана и промышленных выбросов! А я сам решу, как жить! И никто мне не укажет, не загонит в инмод, не...»

– Иван, – отец, пыхтя, догнал его и, морщась от прилагаемых усилий, побежал вровень с сыном. – Давай все же поговорим, как взрослые люди.

Сын криво усмехнулся:

– С чего вдруг? Раньше ты только командовал!

– Мы с мамой хотим, чтоб ты продолжил учиться. Пошел в корпоративную академию, по перспективной специальности.

– Я это уже слышал! – Иван не собирался вновь обсуждать избитую тему.

– Но вразумительного ответа не дал!

– Пап, а что тебе дала наука? – Иван в порыве озлобленности бил в уязвимые, болевые точки жизненных обстоятельств. – Гарантированный инмод? Полкило концентрата в сутки с любимыми вкусовыми добавками? Ты гордишься, что твои дети – «консервы»?

– Мне неприятен ваш подростковый жаргон!

– Ну уж потерпи. Сам разговор начал.

– Мы не воспитывали тебя таким жестоким и злобным!

– Пап, я лучше пойду работать! И буду кому-то нужен! Я выберусь из инмода, клянусь!

– Меня винишь, значит? Не понимаешь, что случилась беда, катастрофа и пострадали не мы одни?!

– Да, плевать мне на других! Сколько лет прошло? Тринадцать? О чем вы только думали с мамой?! Вон Антошка, он ведь родился, когда нас уже упаковали в инмоды!

Отец насупился, промолчал.

– Нас убедили, что инмоды – лишь временная мера! – хмуро ответил он через некоторое время. – Иван, прекрати злиться. Через год мы переедем!

Ну конечно. Заладил. Ничего другого

от него и не услышишь! «Огромный красивый и светлый Антарктический город. Там нет промышленности. Нет токсичных выбросов. Мы будем жить иначе», – мысленно передразнил он манеру речи отца и едва удержался от нового едкого замечания. Иначе – это как?

– Иван, все случившееся – сила неодолимых обстоятельств! – продолжал бубнить отец. – Мы семья. Нужно поддерживать друг друга, а не ругаться по пустякам!

– Пустяки? Тринадцать лет в инмодах – пустяки?! Да мы уже и не семья давно! – резко ответил Иван. – Ты ведь ничего не можешь! Только нотации читать по утрам! Что тебе дала наука?

– Мы удержались в Среднем Слое!

– Вот именно – удержались, – фыркнул Иван, махнув рукой. – И куда ты меня подталкиваешь? В какие

«перспективные» научные области? Нет уж, спасибо! Сыт по горло, глядя на тебя.

– И чем же ты намерен заняться после совершеннолетия? – не сдавался отец.

– Сам разберусь.

– Иван, неквалифицированным трудом занимаются сервы! Или ты решил навсегда остаться в Слое? Будешь зарабатывать на жизнь статистом, фигляром, в какой-нибудь игровой реальности?!

– В бизнес пойду! Те, кто живет над облачностью, явно не наукой занимаются! Они деньги делают и чувствуют себя неплохо!

– Иван!

– Что? Надоели вы все со своими сказками!

– Без знаний в нашем мире ты – никто! – Отец все еще пытался достучаться до его рассудка. – Сам

подумай: идет освоение Марса, готовится проект первого межзвездного перелета!

– Ну и что?!

– Там потребуются молодые специалисты! Я ведь не просто так завел речь о перспективных направлениях науки! Сейчас без специального образования ты, прости, – пустое место! И останешься пустышкой, где бы ни оказался! Пусть даже волею случая сумеешь подняться в заоблачную высь! Если стакан пуст, он останется таким, куда его ни поставь!

На бледном лице Ивана появились пунцовые пятна.

Все, день окончательно испорчен с самого утра!

– Завтра все это закончится! – озлобленно выкрикнул он.

* * *

Завтрак прошел в тяжелой обстановке. Софья своими неуклюжими шуточками попыталась сгладить мрачную атмосферу семейного разлада, но Иван нагрубил и ей. В конце концов Антошка заплакал, не понимая, почему все злятся.

Первой не выдержала мама. Она вдруг тяжело посмотрела на сына и произнесла:

– Ступай! На сегодня семейный коннект для тебя завершен.

– Отлично! Наконец-то! – Ивана распирало от злости, он мгновенно отключился от сети инмодов, оставшись в одиночестве.

Вкус оладий пылал во рту. На глаза почему-то навернулись слезы.

– Да пошли вы все! – Он выплюнул комочек пищевой массы в утилизатор отходов, хотел привычно ускользнуть в

Сеть, но окружающая его голографическая сфера приняла серый оттенок, помутилась, будто выброс промышленного тумана.

«Доступ заблокирован» – на фоне серой мглы появилось сообщение системы.

Иван тяжело вздохнул. Ну конечно, он ведь не выполнил весь список обязательных утренних процедур. Автоматика бдит. Система жизнеобеспечения блокирует глобальное сетевое соединение. Сначала придется выполнить комплекс физических упражнений, и лишь затем он волен делать, что заблагорассудится.

Из технологических ниш выдвинулись элементы тренажера. Разработчики инмодов продумали и предусмотрели все. Они использовали опыт длительных межпланетных перелетов, строго регламентировали

жизнь обитателей проблемных городских уровней, чтобы миллиарды людей сохраняли мышечный тонус, помнили образы родных, а не просто существовали в виде «консервов», как зло утверждал Иван в перебранке с отцом.

*Время Сети: девять
пятьдесят четыре.*

Он разделся, мельком заметил свое отражение в глубинах гляцевитой облицовочной панели – оттуда на него смотрел бледный, subtilный юнец, готовый сделать что угодно, лишь бы побыстрее оказаться в мире иллюзий, прожить очередной бездарный день ненастоящего существования.

После работы на тренажерах полагался душ, и внутреннее пространство инмода вновь

трансформировалось. Ивана окутала мельчайшая водяная взвесь, окатила прохладой, помассировала разгоряченное тело, смывая пот, напряжение и раздражительность.

Ну наконец-то!

Он протянул руку, взял из открывшейся ниши повседневную одежду, выполненную из тонкого эластичного сетчатого материала, плотно прилегающего к коже, пронизанного нановолокнами, предназначенными для передачи спектра тактильных ощущений¹. Все остальное — запахи, звуки, климатические параметры — обеспечивала аппаратура инмода.

* * *

---

¹ **Тактильные ощущения** – форма кожной чувствительности, обусловленная работой двух видов рецепторов кожи: нервных сплетений, окружающих волосяные луковицы, и капсул, состоящих из клеток соединительной ткани. Различный характер имеют ощущения, вызываемые прикосновением, давлением, вибрацией, действием фактуры поверхности.

Слой.

«Все, что нам осталось от жизни». — Иван часто слышал эту фразу от отца, но до последнего времени не понимал, ни ее смысла, ни горечи интонаций.

Мир вне инмода давно потускнел, превратился в далекое, незначительное воспоминание, а сиюминутные желания, бунт юноши, направленный против системы в целом и родителей в частности, должен был пройти, как обычная болезнь роста.

На самом деле, если разбираться беспристрастно, Ивана вполне устраивало существующее положение дел, и клятвы типа «я вырвусь» звучали озлобленной бравадой, не имеющей под собой действительной решимости что-то изменить.

Слой — бесконечное пространство бесконечной свободы. Его основой является модель нескольких городских

уровней, но они лишь блеклая декорация: серая, обязательная, как и несколько основополагающих правил, нарушать которые – себе дороже.

Во-первых, инициализация аватара всегда происходит в одном и том же месте, подле входа в здание, где в реальности расположен инмод пользователя.

Во-вторых, в пространстве Слая необходимо совершать множество настоящих движений. Не будешь перебирать ногами по беговой дорожке инмода – никуда не попадешь. Чтобы взять виртуальный предмет, нужно протянуть руку, сжать пальцы, и так во всем, что касается действий.

Обитателей инмодов обязали двигаться, испытывать физические нагрузки, иначе они бы долго не протянули. «Движение – жизнь», – так утверждали разработчики. Старшее

поколение с ними соглашалось, ровесники Ивана, и те, кто помладше, просто выполняли требования, не вникая в причины.

Объективно в киберпространстве Земли существуют четыре Слоя виртуальной реальности, но обычно упоминаются лишь три из них. Каждый неразрывно связан с социальным положением пользователей, условиями их жизни. К примеру, если ты среднестатистический обитатель инмода – пожалуй во второй Слой, который иначе, вопреки элементарной арифметике, называют Средним.

Так уж сложилось. Первый – Низший. Второй – Средний. Третий – Высший, а четвертый, Заоблачный – практически миф. Выходцев из него не встречал никто.

Аватар Ивана Стожарова сформировался у подъезда здания, на

загаженной и знакомой до тошноты улице.

Мерзкие запахи мгновенно окутали его удушливым облаком. Субъективно источником зловония являлись горы мусора, скопившиеся на улице, но от выхода в Сеть реальное положение дел не менялось. Иван по-прежнему находился в своем инмоде, но теперь его плотно окружили многослойные голографические декорации, заработали устройства обратной связи, в том числе генераторы запахов, источники звуков, формируя мир, которого нет.

Настроение было паршивым.

Утренняя ссора с родителями – пустяк, незначительное, заурядное, давно приевшееся переживание, быстро поблекшее в памяти, а вот его истинная подоплека, о которой Иван упомянул лишь вскользь, тревожила не на шутку, заставляя иначе взглянуть на

привычные декорации Слая.

Горы мусора повсюду. Зловоние. Аватары людей, шнырящие по тропкам, словно крысы, – каждая мысль сегодня окрашена тонами неприязни.

Почему основа Слая превратилась в огромную свалку? Как в виртуальной реальности выросли горы нечистот, достигающие высоты нескольких этажей?

Виной всему треклятая интерактивность – так ответил бы любой пользователь.

Разработчики Слая честно пытались создать полноценный симулятор жизни. Когда стало ясно, что выбросы промышленного тумана не прекратятся, перед ними поставили простую, казалось бы, задачу: сформировать в киберпространстве модель социальных отношений, сделать так, чтобы любой поступок, даже самый незначительный,

имел свои последствия.

Результат получился неожиданным, ошеломляющим.

Оказывается, в цифровой среде обитания никто не ощущает ответственности за свои действия. Так повелось еще со времен древнейших Сетей, внедривших в сознание поколений принципы вседозволенности, неограниченной анонимной свободы.

Миллионы людей ежедневно спешили по своим делам, проходя через основу Слоя, но никто не обращал внимания на такие мелочи, как плевок на тротуар или обертку, брошенную мимо утилизатора отходов. Вот кто-то, решив сэкономить пару секунд сетевого времени, однажды срезал путь через газон, не замечая, как следом уже движутся тысячи других аватаров, вытаптывая (в силу интерактивности

пространства) широкую, пыльную и безжизненную дорогу там, где минуту назад зеленела трава.

Основу Слоя вычищали, восстанавливали, но ситуация повторялась вновь и вновь. За уборку мусора начали предлагать деньги, но и это не помогло: кто станет ковыряться в отходах, если за фасадами зданий ждет великолепие тысяч фантомных миров, где, ко всему прочему, можно легко заработать?

...

Слой. Двумя неделями ранее...

Сетевые атаки не редкость в кибернетическом пространстве. Они сродни плохой погоде – случаются регулярно, портят весь день. Обычно атака имеет конкретную цель, искажает одну из множества существующих в Слое реальностей.

...В тот день ничто не предвещало

проблем. Настроение было просто шикарным. Годы учебы остались позади, выпускные экзамены он сдал на тройки и теперь на некоторое время оказался предоставлен сам себе. Появилось свободное время, возможность совместить приятное с полезным – побродить по фантомным мирам, насладиться долгожданной свободой в преддверии неведомой пока «самостоятельной жизни», да и подзаработать.

Свое ближайшее будущее Иван видел достаточно четко. «К фрайгу «семейные коннекты» и наставления родителей», – по-взрослому думал он. Сколько вокруг возможностей, сколько разных притягательных миров, в каждом из которых постоянно требуются «жители». Вопросы решались просто. Он намеревался завербоваться на годик в какую-нибудь фентезийную

реальность, а там видно будет.

Две недели, остававшиеся тогда до совершеннолетия, он решил потратить с толком, побродить по разным игровым мирам, подыскивая себе место жительства и род занятий.

Сетевая атака застала его врасплох. Он крался по фантастическому лесу, выслеживая парочку вислоухих обитателей здешних мест, намереваясь быстренько снести им головы, обыскать трупы и уж затем отправиться к ближайшему городу, продать там добычу и осмотреться.

Не вышло. Внезапно окружающие его деревья нелепо исказились, а затем и вовсе истаяли, как мираж. Перламутровое небо над головой потрескалось, словно стекло. Местность приняла совершенно неприглядный вид, исчезло большинство объектов, вместо них по пустынному пространству теперь

кружили серые смерчи, которых следовало опасаться, – это известно каждому.

Иван остановился, озираясь в поисках выхода. Вообще-то исчезнуть из проблемного пространства легко. Нужно только набраться решимости, войти в серый смерч. Гарантированная виртуальная смерть, «вылет» и... – его передернуло – болевой шок.

Нет, не вариант. Физической боли Иван боялся. Не умел ее терпеть. Значит, нужно отыскать островок стабильности среди воцарившегося хаоса, - рассудительно, не впадая в панику, решил он. Оттуда и выйду, не подвергая себя мучениям.

Вдалеке он заметил туманную полоску леса. До него примерно с километр. Смерчи в том направлении становились реже, проскользнуть между ними – пара пустяков для искушенного

геймера.

Иван мысленно наметил маршрут и собирался рвануть бегом, когда вдруг почувствовал резкую боль. Стрела, выпущенная вислоухим, вонзилась в спину. Еще одна пробила икроножную мышцу.

Он упал, воя от боли, а в следующий миг серый смерч настиг его, погрузил рассудок в состояние безвременья, тело парализовало, а когда ощущения виртуальной смерти схлынули, Иван понял: дела намного хуже, чем предполагалось. Атаке подверглась не отдельная реальность, а весь Слой!

Он лежал на зловонном склоне, образованном спрессованным мусором. Вокруг высились здания городского уровня. Между ними тоже блуждали серые смерчи, но основа Слая стойко сопротивлялась разрушению, лишь кое-где в стенах небоскребов зияли дыры,

сочащиеся тьмой.

И как теперь выбираться? Боль медленно отпускала, раны, полученные от стрел, уже не играли роли, они не в счет, если ты оказался в основе основ виртуального бытия.

Он привстал, озираясь.

Рядом, в полуметре, задыхаясь и кашляя, сидела девушка.

– Помоги! Пожалуйста, помоги!.. – взмолилась она, заметив Ивана.

Вообще-то в Слое каждый сам за себя. Проявлять жалость – откровенный признак слабости. Понятие «дружба» давно превратилось в анахронизм и исчезло из лексикона. Слой эксплуатирует наиболее древние и мощные человеческие инстинкты, обычно скрытые под маской «цивилизованного общества». К двадцати годам Иван познал все пороки виртуальных пространств и уже давно

не задавался вопросами моральной стороны бытия. Либо ты крут, либо об тебя вытирают ноги, - третьего не дано.

«Выпутывайся сама», – ответ был готов сорваться с его губ, но, присмотревшись, он удивился. Девушка сумела на минуту завладеть вниманием, что, по меркам Сети, уже многого стоит. Ее аватар задел своей невзрачностью. Эдакая ничем не примечательная серая пташка. Как говорится, «пройдешь и не заметишь», но было, несомненно, было в ее облике нечто потаенное, многообещающее, скрытое от взгляда и понимания.

– Как зовут? – Иван встал, вполне осознавая свою брутальность. Еще бы! Столько денег вбито в формирование аватара. Он был мужчиной во всех смыслах, кроме самого главного, но об этом юноша пока не догадывался.

– Лиза... –

сдерживая

подкатывающие к горлу спазмы, выдавила девушка. – Как тут воняет... – Она судорожно закрыла рот ладонями.

– Запах как запах. Обычный. Ну, пойдём. – Он взял ее за локоть, помог встать на ноги. – Куда тебе?

– В Высший... Слой... – Ее все-таки стошнило.

Стожаров обомлел. Вот тебе и «серая пташка»! Ну ни фиги себе! А может, врет?!

Бледное личико Лизы покрылось пунцовыми пятнами. «Ей что, *стыдно?* – мысль ошпарила. – Ну подумаешь, стошнило на улице! Чего краснеть-то?»

– Здесь... мерзко... – Она уцепилась за его руку. – Прости, не сдержалась.

– Да ладно, забудь. Ты что, и правда из Высшего Слоя?

– Угу. – Она жалобно улыбнулась.

Иван почувствовал себя невероятно

крутым. Завалить дракона и спасти принцессу – детский сад по сравнению с происходящим.

– Ну пошли. – Он уверенно увлек Лизу за собой в переулок между зданиями. В Высшем Слое Ивану бывать еще не приходилось, слишком дорогое и рискованное удовольствие, но даже последний лузер и тот знает, где тусуются проводники. За деньги они такой серфинг по Сети могут устроить – закачаешься. Но у Ивана не было ни финансовых возможностей, ни особого желания столь жестко испытывать судьбу. Поймают – порицанием не отделаешься. Аватар отберут, доступ в Сеть закроют, недельку промаешься в инмоде, а потом на исправительные работы, разгребать мусор, – его решимость на миг угасла, но умоляющий взгляд Лизы вновь разжег юношеское эго, заставив заткнуться

робкий голос рассудка.

Карабкаясь по горам мусора и обломкам зданий — все же интерактивность Слая порой реально досаждала, — они добрались до узкой расселины. Когда-то тут находилась проезжая часть улицы, в обрамлении тротуаров, но всеобщее наплевательское отношение к миру, в котором живешь, давно превратило переулок в ответвление свалки. Извилистая тропа вела в сумрак. Смрад стал густым, липким, почти осязаемым.

Лиза судорожно закашлялась, но Иван особо не церемонился, упрямо тащил ее за собой. Воображение рисовало ему смутные, но весьма волнующие картины. По законам жанра за спасением последует вознаграждение. В общем, гормоны сделали свое черное дело. Риск уже не казался чрезмерным. На деньги плевать,

заработаю еще, - думал он.

Безликая тень отделилась от стены, перегородила дорогу.

– Куда? – без лишних вступлений, делово осведомился проводник.

– В Высший Слой.

– Сто. И еще двести сверху.

– За что? – негодующее спросил Иван.

– Вокруг взгляни? – Проводник недвусмысленно намекал на глобальный сбой и связанные с этим обстоятельством трудности.

– Ладно, – вздохнул Иван. – Принимай! – Он коснулся тени, и с его личного счета мгновенно списали триста кредитов, почти все сбережения, которые он копил на покупку спортивного флайкара!

А, к фрайгу! Его вдруг начало знобить.

Безликая сумеречная субстанция

приняла платеж. Лиза прижалась к Ивану, не веря, что ее кошмар вскоре закончится.

Здания вдруг подернулись рябью искажений и исчезли. Истончилась вонь. Голова резко пошла кругом, а когда сознание стабилизировалось, вокруг простирался Высший Слой.

Иван осмотрелся.

Откровенно — он был разочарован. Полный отстой, если выразаться языком Сети. Поля, холмы, перелески, блеск петляющей речушки, воздух, пропитанный пряными ароматами свежескошенного луга, вдалеке контуры нескольких приземистых построек — ума и таланта у вирт-дизайнера явно не хватило, чтобы создать тут нечто по-настоящему интересное.

Ноги у Лизы подкосились. Она села в траву и принялась ее гладить. С ума, что ли, сошла?

– Эй, ты чего? – забеспокоился Иван.

– Как хорошо дома! – Лиза снизу вверх благодарно взглянула на него. Ее глаза лучились неподдельным счастьем. На губах блуждала улыбка. – Ну, тебе пора назад? – неожиданно спросила она.

Словно ведро холодной воды на голову вылила.

Иван поперхнулся.

«Шутит? Или нарывается?» – последняя мысль прозвучала слишком грубо. Девушка вдруг показалась ему такой привлекательной, желанной, наверное, из-за проявленной недоступности, что голова вновь закружилась, а голос предательски дрогнул:

– Давай уж до дома провожу!

– Нет, наверное, не стоит. У тебя будут неприятности. – Она ответила мягко, нерешительно.

– Плевать!

– Ну, хорошо, проводи. Тут недалеко. Видишь дом на холме? – Она вдруг весело, беззаботно рассмеялась, счастливо указав на виднеющееся вдалеке двухэтажное строение, окруженное садом.

– Ты там живешь? – Иван ожидал увидеть как минимум дворец с сотней просторных залов.

– Ну, это лишь виртуальная модель настоящего дома. Немного приукрашенная, – виновато созналась Лиза.

– А где твой настоящий дом?

– В реальности, где же еще? Только там все немного иначе. Пространство ограничено куполом, внизу облака, а под ними город. И места для растений мало. Садик в реале у меня небольшой, но очень красивый! Я сама каждое растение подбирала. Специально на выставку «Генезиса» ездила. Знаешь,

сколько сейчас стоит саженец дерева?

– Ну? – В понимании Ивана растительность относилась исключительно к разряду декораций, причем наиболее примитивных и бесполезных. Нет, конечно, он знал о ранее существовавшей на Земле биосфере, находил вполне уместными и закономерными попытки ее воссоздания в рамках некоторых исторических реальностей, но тут, в Высшем Слое? На кой фрайг?

– Один из саженцев обошелся мне в семь тысяч! Я едва уговорила отца. Он так злился, даже обозвал меня транжирой! – Лиза погрузилась. – А саженец не прижился, представляешь, какая обида?

Иван не представлял. Не понимал ее грусти, не разделял нежного восторга. Но помалкивал, в надежде сойти за умного. Испытанный прием. Молчи и

слушай, когда попадаешь в новую реальность.

Нет, совершенно не так он представлял себе Высший Слой.

Лиза взяла его под руку. Она вела себя непринужденно, выглядела счастливой. На ее губах блуждала мечтательная улыбка. Они шли по дороге, вьющейся вдоль реки между холмами. Иван не уставал удивляться бескрайним просторам, отсутствию людской толчеи, но чувствовал себя крайне неуютно. Не нравилось ему тут. Совершенно неприкольно. Даже уныло. Взгляду не за что зацепиться. Никакой таинственности. Жить в таком Слое – со скуки сдохнешь.